

— И свиреп же этот Ван Цзякан, — вздохнула Сюй Сяньфэн. — Одно хорошо: сам пришёл с повинной.

— Да какая разница, пришёл или нет? — фыркнул Лю Сыюань. — Всё равно ведь к смертной казни приговорят.

— Эх, мальчишку его жалко, — подхватила Лу Чуньин. — Совсем ещё кроха, а уже сиротой остался.

— Мы здесь собрались не для того, чтобы о жалости рассуждать или спорить, заслужил он это или нет, — веско заговорил Лю Голинь, поворачиваясь к Лю Гопину. — Нам из этого дела урок нужно извлечь. Что думаешь, Гопин?

— Полагаю, случай далеко не единичный, — немного подумав, ответил Лю Гопин. — На это действительно стоит обратить самое пристальное внимание.

— Вот именно. Нынче жизнь пошла совсем не та, что прежде. Раньше хоть и уезжали на заработки, но чтобы целые деревни пустели — такого отродясь не бывало. Мужики разъезжаются, а бабы дома одни кукуют, точно вдовы... — Лю Голинь покосился по сторонам и, убедившись, что Линь Гуйчжи поблизости нет, продолжил вполголоса: — Говорят, таких, как женушка Ван Цзякана, сейчас пруд пруди. Поговаривают даже, будто в соседней волости тамошний староста крутит шашни чуть ли не с половиной молодых деревенских баб. Представляете, если все обманутые мужья начнут хвататься за топоры, как Ван Цзякан? Это же кромешный ужас начнётся.

— Дядюшка Линь, вы беспокоитесь, как бы и у нас в деревне до такого греха не дошло? — понятно кивнул Лю Сяи.

— Из нашей деревни уезжают неохотно, поменьше, чем из соседних, да и пакостей никаких пока не слышно, но бережёного Бог бережёт, — веско, с достоинством исполняющего обязанности старейшины, произнёс Лю Голинь. — Случись подобное в прежние времена, виновных бы без лишних разговоров в реке утопили. Но сейчас-то время другое, законы строгие, самосуд чинить запрещено. Мы, старики, хоть и живём на всём готовом благодаря детям да внукам, а всё же без дела сидеть не должны. Наша обязанность — беречь мир и порядок в родном доме, чтобы у молодёжи на чужбине душа за свои семьи не болела. Согласны?

— Истинные слова говорите, дядя Линь, — поддержал его Лю Гопин, проникшись этой мыслью. — Надо будет попросить Сухуа, чтобы она почаще общалась с бабами, у которых мужья на заработках.

— А если сделать вот как? — Ма Сухуа, хоть её ещё и не утвердили официально в должности домашней управительницы, уже вовсю планировала свои будущие дела. — Я соберу местных женщин и устрою для них что-то вроде клуба по интересам. Наберём заказов на вышивку крестиком или сборку бус — пусть занимаются рукоделием. И общее дело появится, и

копеечку лишнюю заработают. Возле родового храма как раз пустует просторная общинная пристройка, там всё и организуем. А в соседней комнате можно поставить маджонг, но пускать туда только баб. Пусть те, кто любит поиграть, сидят там, а не где-то на стороне. К тому же, когда над головой лики предков, волей-неволей будешь вести себя прилично. Глядишь, так понемногу и сплотим деревню. Что скажете?

— Хорошо придумано, очень хорошо, — расплылся в довольной улыбке Лю Гоинь.

Дедушка Лю, внимательно выслушав невестку, тоже согласно закивал.

За обедом мужчины пропустили по паре рюмок. Сытно поев и наговорившись обо всём на свете, Лю Гоинь забрал праправнука и засобиравшись домой. Дедушка Лю вместе с сыновьями вернулся к прерванному делу — они продолжили ковырять и ворочать тяжёлые каменные плиты пола, то и дело возвращаясь к недавнему разговору. Тем временем в кухне западного флигеля Ма Сухуа, Линь Гуйчжи и Лу Чуньин дружно помогали Бянь Сянь прибирать со стола и мыть посуду.

— Отец! Пятый звонит, тебя просит! — крикнула из гостиной Сюй Сяньфэн, выйдя во двор.

Дедушка Лю в этот момент как раз зычно командовал сыновьями, указывая, какую плиту поднимать, а какую сдвигать.

— А-Мянь? — обрадовался старик и торопливо отложил рулетку. — Бегу, сейчас отвечу!

Только-только женщины закончили возиться на кухне и принялись шутить да судачить о своём, как со двора донёсся громоподобный рёв старейшины:

— Гопин! Сыи! Живо оба ко мне, чтоб вас черти взяли!

Вздвогнув от неожиданности, они гурьбой высыпали на порог. Как раз в этот момент в ворота входила тётя Лю Гоин, бережно неся в одной руке плетёную клетку с курами, а в другой — объёмистый холщовый мешок. Бянь Сянь и Лу Чуньин лишь недоуменно переглянулись: родная дочь ведь приехала отца проведать, чего старик так раскричался?

Сама Лю Гоин тоже оторопела от такого оглушительного приветствия и чуть не выронила ношу прямо в грязь.

— Господи Иисусе, батюшка! — запричитала она с порога. — Кто ж тебе опять под горячую руку попался?

На зов сбежались все. Лю Сыи, смотревший с сыном мультфильмы в северном крыле, торопливо выключил телевизор; старший брат Лю Сююань, мирно дремавший на втором этаже, кубарем скатился по лестнице; а Лю Гошэн с Лю Гопином бросили тяжёлую плиту прямо

посреди комнаты. Мгновение — и все послушно выстроились перед грозным родителем.

— Отец, ну чего ты шумишь на всю округу? — спросил Лю Гошэн, отряхивая ладони от цементной пыли.

Дедушка Лю даже не взглянул на старшего сына. Хмурясь пуще прежнего, он уставился на притихших Лю Гопина и Лю Сии:

— А ну выкладывайте, ироды! Вы до какого состояния А-Мяня избили?

— Подумаешь, недоросль никчёмный, — отмахнулся Лю Гопин, криво усмехнувшись. — Сам ни на что не годен, зато жаловаться дедушке побежал, словно девица красная.

— Я тебя, паршивца, не спрашиваю! — старик грозно зыркнул на сына и перевёл тяжёлый взор на внука: — Сии, отвечай! Какими техниками его колотили и что с ним сейчас? Правду говори!

— Да мы не то чтобы сильно... — замялся Сии, чувствуя себя виноватым. — Просто... руку ему сломали. Пятому.

— Руку?! Настоящий перелом?! — У дедушки Лю от ярости затряслась седая борода.

— Да перелом — это он ещё легко отделался! — встрял разгорячённый Лю Гопин. — Моя бы воля, я бы этого извращенца вообще до полусмерти забил!

— Ах ты, дубина стоеросовая! Сколько лет в университетах штаны просиживал, а ума так и не нажил! Разве ж так сыновей воспитаешь?! — взревел старик. Защищая любимого внука, он замахнулся и с размаху отвесил Гопину подзатыльник.

Тот, впрочем, увернулся в самую последнюю секунду, отпрыгнув назад.

— Батюшка, ты уже в летах, а рассуждаешь как дитя! — вспыхнул Лю Гопин. Шея его налилась кровью, лицо покраснело от гнева. — Я сына своего наставлял на путь истинный! Неужто я не в своём праве?!

— Ишь ты, запел! Выбился в начальники мелкого пошива, так решил перед отцом гонор показывать?! — Дедушка Лю сердито нахмурился, нагнулся, по-быстрому подвязал полы халата и вдруг, резко подавшись вперёд, упёрся ладонями в землю.

В один миг старик упёрся ладонями в землю и, исполнив молниеносный прыжок — приём «Лягушка сигает в воду», полетел прямо на Гопина.

Лю Гопин никак не ожидал от отца такой прыти. Рухнув навзничь, он в последний момент выставил локти, уходя от удара классическим блоком «Мост над бурной водой». Обрадованный тем, что сын держит удар, старик тут же перешёл на «Вихревой разворот» — он нанёс удар ногой, рассекая воздух со свистом, целясь Гопину прямо в грудь. Гопин, распластанный на траве, оказался в крайне невыгодном положении. Чтобы уклониться от такой яростной атаки, ему пришлось бы применить приём «Свинья в отрубях» — покатиться кубарем по пыли. Метод надёжный, но для солидного чиновника, да ещё на глазах у невестки и племянников, совершенно позорный.

К счастью, ближе всех стояла Сюй Сяньфэн. Мгновенно оценив ситуацию, она скользнула вперёд. Она применила каскад классических приёмов тайцзи: «Шаг назад и верхом на тигра», «Поворот и взмах лотоса», «Игра на пипе» и «Облачные руки». Двигаясь плавно, словно весенний ручей, она мягко перехватила яростные выпады старика и свела на нет всю их разрушительную силу. Старик вынужден был отступить, а Гопин, улучив секунду, вскочил на ноги и поспешил убраться на безопасное расстояние.

Сюй Сяньфэн хоть и происходила из прославленного рода мастеров тайцзицюань, после трудных родов часто хворала, и здоровье её оставляло желать лучшего. Боясь ненароком задеть невестку, дедушка Лю опустил кулаки и нетерпеливо махнул старшему сыну:

— Гошэн, уведи жену! Я сегодня просто обязан проверить, чему этот столичный умник научился!

Сюй Сяньфэн, которая вмешалась лишь ради спасения лица деверя, мягко улыбнулась и сама отступила в сторону.

— Сколько живу, а такого упрямого отца не видывал! Ладно, старик, давай попробуем, помашем кулаками! — завёлся окончательно Лю Гопин, принимая боевую стойку.

Дедушка Лю от такой дерзости окончательно потерял терпение. Взревев, он ринулся на сына стремительным ураганом.

— Сыи, сынок! Ну сделай же что-нибудь! — взмолилась испуганная Ма Сухуа, видя, что свёкор дерётся не на шутку. — Ты же у нас самый способный, разними их скорее!

— Да вы не переживайте, тётушка, — безмятежно усмехнулся Сыи. — Дедушке ни за что не одолеть отца.

Но приехавшая тётя Лю Гоин придерживалась иного мнения. Видя, как отец нападает на городского брата, она сердито выкрикнула:

— Да что ж это делается, батюшка! Гопин родного сына наказывал, имел полное право! За что ты на него ополчился? — И, даже не подумав выпустить из рук клетку и мешок, она ринулась в гущу схватки.

— А я, по-твоему, кого воспитываю?! Не мешайся под ногами! — рывкнул дедушка Лю и, развернувшись, лихо нанёс удар ногой с разворота.

Лю Гоин уклониться не успела и чисто инстинктивно подставила под удар куриную клетку. Раздался громкий треск — бамбуковые прутья разлетелись в щепки. Пять или шесть перепуганных птиц взлетели веером: кто-то замертво упал на землю, остальные с истошным квохтаньем бросились врассыпную. Шестидесятилетняя тётушка Гоин воспользовалась моментом, мёртвой хваткой вцепилась отцу в поясницу и завопила на весь двор:

— Мои куры! Пропали куры, разлетелись!..

Одна из несушек, отчаянно хлопая крыльями, уже взлетала над забором, рискуя рухнуть прямо в бурные воды ручья Гуаньинь. Но Лю Сыи среагировал мгновенно. В три шага он взлетел по кирпичной стене, в красивом прыжке перехватил беглянку в воздухе и мягко приземлился на ноги.

Дедушка Лю, спелёнутый дочерью по рукам и ногам, тщетно пытался вырваться и сыпал проклятиями:

— Ах ты, ведьма упрямая! Куры у неё разбегаются, так лови их, чего в меня вцепилась?! Смерти моей хочешь?!

Подбежавшие Лю Сьюань со своей женой Бянь Сянь и Суй Сяньфэн кое-как растащили драчунов и увели разбушевавшегося старика в дом. Лю Гошэн устало махнул рукой младшему брату:

— Ладно, пусть его. Пошли лучше плиты дальше ворочать. Отец пар выпустит, посидит в тишине и успокоится.

— Тётушка, зачем вы столько кур привезли? — спросил Сыи, передавая пойманную птицу Лю Гоин.

— Так Сухуа же говорила, что хочет развести хозяйство, как в деревню вернётся. Вот я и выбрала самых лучших, молоденьких да бойких, — вздохнула тётушка, с сожалением глядя на трёх бездыханных птиц, оставшихся лежать на дорожке. — Эх, и что теперь с ними делать?

— Да ладно тебе переживать, как раз к обеду придутся! — улыбнулась Ма Сухуа, забирая у неё уцелевшую птицу. — Разделим на три дома: Сьюаню, Сыи и Линь Гуйчжи. Ощиплем да в котелках протушим. Ты вообще сколько их привезла?

— Да петушка одного да пять несушек. А петух-то... — Лю Гоин заозиралась по сторонам. — Ох, батюшки! Ещё две курицы за ворота утекли!

— А вы чего там уши развесили? Живо вниз и ловить беглянок! — крикнул Лю Сии, заметив на балконе второго этажа племянников — Юйчэна и Юйцзин.

Ребята только этого и ждали. С весёлым гиканьем они ухватились за перила, перемахнули через ограждение и ласточками посыпались со второго этажа.

— Пресвятые угодники! — ахнула Ма Сухуа, хватаясь за сердце. — Лестница же есть! Убьётесь ведь когда-нибудь, чертенята!

Но Юйчэн и Юйцзин мягко, без малейшего усилия спружинили на ноги. Рассыпавшись в вежливых приветствиях перед двоюродной бабушкой, они с громким смехом умчались за ворота.

— Да ты не бойся, Сухуа, всё в порядке, — успокоила её Линь Гуйчжи. — Эти двое куда способнее старших будут, да и занимаются каждый день без лени. Для них спрыгнуть со второго этажа — сущие пустяки.

— Надеюсь, наш А-Мянь хотя бы с такой высоты прыгать умеет? — с улыбкой спросила Лю Гоин, заметив испуг на лице невестки.

— Ой, да они с отцом дома почти не занимаются, всё больше где-то в городе тренируются. А мне и некогда за ними следить: с утра до вечера в лавке кручусь, не до того мне.

— И всё-таки, что за страшный грех на душу взял А-Мянь, раз вы с дядей так дружно его отколошматили? — любопытствовала Лю Гоин у Сии.

Сии замаялся, не зная, стоит ли выдавать кузена, но тут вмешалась Ма Сухуа:

— Да что там они! Я сама ему бока изрядно намяла, как случай представился!

— Батюшки, неужто и впрямь грех смертный?! — всплеснула руками впечатлительная Лю Гоин. — Небось, девку какую оббрюхатил?

— Хуже, — тяжело вздохнула Ма Сухуа. — С бабами крутит, в блюде погряз. Таких дураков только палкой и учить.

— Эх, нынешняя молодёжь в этих делах удержу не знает. Да и как их проконтролируешь? Времена-то другие стали. Пускай сам свои ошибки разгребает, — философски заметила Лю Гоин, у которой и у самой опыта в таких делах хватало.

— Да я уже ко всему худшему приготовилась, ладно уж, бог с ним, — Ма Сухуа досадливо махнула рукой. — Ты на мопедѣ приехала?

— Ну да. Поленилась во двор катить, у калитки оставила. Думала, повидаясь с тобой да с Гопином и обратно покачу, дома дел невпроворот.

— Тогда пошли скорее в дом. Я тебе подарок приготовила — роскошный спальный гарнитур из шести предметов. Посмотришь, если расцветка не понравится, съездим в лавку, на другую поменяем.

— Тебе же торговать этим надо, а ты всё раздариваешь! Так и прогореть недолго! — так и расцвела от радости Лю Гоин.

— Да ладно тебе, разве ж на маленькой лавке разбогатеешь? Лишь бы на кусок хлеба хватало, и ладно. К тому же А-Мянь сейчас неплохо устроился, нам о деньгах голова не болит.

— Отец говорил, А-Мянь теперь в городе управляющим на крупном заводе работает. Получает небось больше десяти тысяч в месяц? — с лёгкой завистью спросила Лю Гоин.

— Болтать-то болтают, да только мы с отцом от этих тысяч ни единого гроша не видели. Уж не знаю, на что он их там спускает.

— Ну, дело молодое, в городе соблазнов много, только успевай кошелёк открывать.

— Бабушка, поймали! — звонко закричали воротившиеся Юйчэн и Юйцзин, каждый из которых бережно держал под мышкой по кудахтающей птице.

— Ах вы мои умницы, ну и шустрые! — рассмеялась Ма Сухуа, забирая добычу и ласково потрепав племянников по румяным щекам.

— Сии! — снова раздался из флигеля зычный голос дедушки Лю.

— Да, дедушка? Я здесь! — отозвался со двора Лю Сии.

— Сходи-ка на рынок к Дань Вэйцзюню. Скажи, пусть отложит для нас дикого кабана. Завтра спозаранку съездишь и заберёшь.

— Тебе живьём кабан нужен или разделанный тушей? — удивился Сии, силясь понять, что затеял старик.

— Глупости не говори, мы его одомашнивать, что ли, собрались? — проворчал дедушка Лю. — Половины туши хватит. Скажи Вэйцзюню, пусть запишет на мой счёт.

— Дедушка, неужто тебе так дичины захотелось, да ещё целую полутушу? — засомневался

Сыи. Чай не зима на дворе, захотелось мяса — купил свежего на один раз, зачем сразу половину кабана брать? Это ведь юаней пятьсот-шестьсот выйдет, не меньше.

— Да при чём тут я?! — фыркнул старик. — Это для младшего твоего, для Пятого! Раз уж вы его так разукрасили, парню теперь восстанавливать силы надо, наваристый бульон пить!

— Батюшка, так А-Мянь звонил сказать, что приедет завтра? — недовольно вмешалась Ма Сухуа.

"Ах ты, паршивец этакий! — мысленно выругалась она. — Стоило один раз всыпать горячих, как родная мать уже врагом стала! О приезде даже не предупредил, всё через деда решает. Почуял, старая лиса, у кого под крылом укрыться можно!"

— Вы ему руки плетью перебили, как он, по-твоему, за руль сядет?! — буркнул дедушка Лю. — Завтра у его товарища выходной, вот тот его на машине и привезёт.

— Подумаешь, барин какой выискался, не министр чай! — проворчал Лю Гопин. — Чтобы ради него ещё деликатесы закупали! Этот охламон ведь в город подался, на фабрику нанялся. Чего он вообще сюда едет? На экскурсию, что ли?

— Тебе-то какое дело?! — вскипел старик. — Родного деда проведать — уже и повода мало? Тоже мне, чиновник выискался! Весь год носа сюда не кажешь, об отце не вспомнишь. Если б не твой А-Мянь, золотой ребёнок, я бы тебя, дурня такого, давно из семейной книги вычеркнул и из клана выгнал!

— Ну знаешь, батюшка, ты бы хоть совесть поимел! — вскипел в ответ Гопин. — Разве ж я неблагодарный сын? Наговариваешь на меня почём зря, я же каждые несколько месяцев сюда навещаюсь!

— Да уймись вы наконец! Будет вам лаяться-то! — Ма Сухуа с досадой прижала ладони к вискам. Голова уже раскалывалась от этой бесконечной семейной перепалки. Они ведь ещё даже не переехали толком, а что начнётся, когда обоснуются здесь насовсем? Каждый день такой содом будет?

— Сыи, сынок, — вздохнула она, стараясь говорить спокойнее. — Ступай на рынок, сделай, как дедушка просит. А завтра я с тобой поеду, сама за мясо и заплачу. Не хватало ещё, чтобы старик тратился.

А в душе у Ма Сухуа копошилась тревога. Сложив в уме все крупницы недомолвок, она пришла к однозначному выводу: её непутёвый сын по уши втрескался в этого офицера Гуаня из дорожной полиции. И кто знает, может, тот самый «друг», что вызвался завтра привезти его на машине — это и есть Гуань Хаобинь? Получив взбучку от родителей, этот упрямец вполне мог пойти на принцип и явиться вместе со своим ненаглядным, чтобы заявить о своих правах.

"Ох, зная его характер, он ведь так и сделает... — у Ма Сухуа похолодело внутри. — Пресвятые угодники, за что мне это наказание?"

<http://bllate.org/book/18980/1960693>